

REFERENCES

1. *Akul'shina E. P.* Glinistoe veshchestvo i osadochnyj rudogenez. Novosibirsk: Nauka, 1985. 244 s.
2. *Vinogradov A. P.* Srednee sodержание himicheskijelementov v glavnyh tipah izverzhennyh gornyh porod zemnoj kory // Geohimija. 1962. № 7. S. 565–571.
3. *Isachenko A. G., Dashkevich Z. V., Karnauhova E. V.* Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie severozapada SSSR. L.: Izd-vo LGU, 1965. 248 s.
4. *Kirillova V. A., Raspopov I. M.* Oзера Leningradskoj oblasti. L.: Lenizdat, 1971. 152 s.
5. *Malozemova O. V.* Morfometriceskaja harakteristika ozer v razlichnyh landshaftah vostoka Leningradskoj oblasti // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena: Nauchnyj zhurnal. — tsSPb., 2012. № 144. S. 112–121.
6. *Markov V. E., Morozov D. A., Gil'din S. M.* Geoekologicheskie osobennosti poslednikovogo sedimentogeneza vnutrennih vodojomov Valaamskogo arhipelaga // Vestnik MANEB: Nauchno-tehnicheskij zhurnal Mezhdunarodnoj akademii naukjekologii, bezopasnosti cheloveka i prirody. 2011 (janvar'). T. 11. № 5. S. 24–28.
7. *Maslov A. V., Gareev Je. Z., Krupenin M. T.* Osadochnye posledovatel'nosti rifeja tipovoj mestnosti (retrospektivnyj obzor sedimentologicheskikh, paleogeograficheskikh, litologo-mineralogicheskikh i petrogeohimicheskikh issledovanij). Ufa: GP «Print», 1998. 225 s.
8. *Migdisov A. A.* O sootnoshenii titana i aljuminija v osadochnyh porodah // Geohimija. 1960. № 2. S. 149–164.
9. *Nesterov E. M., Kul'kova M. A., Egorov P. I., Morozov D. A., Subetto D. A., Shmitt E. V.* Geohimicheskie kriterii v otsenke geoekologicheskoy obstanovki beregovoj zony Finskogo zaliva // Vestnik MANEB. Serija “Geoekologija”. 2011. T. 15. № 5. S. 13–24.
10. *Nesterova L. A.* Formirovanie ijevoljutsija landshaftov vostochnoj chasti Leningradskoj oblasti: Avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2004. 18 s.
11. *Nitsenko A. A.* Hozjajstvenno-geobotanicheskoe rajonirovanie Leningradskoj obl. L.: Izd-vo LGU, 1964. 127 s.
12. *Lomas-Clarke S. H., Barber K. E.* Human impact signals from peat bogs — a combined palynological and geochemical approach // Vegetation History and Archaeobotany. 2007. Vol. 16. P. 419–429.

Н. В. Шкура

ПАНТЮРКИЗМ, ПАНТУРАНИЗМ, «НЕООСМАНИЗМ» И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ТУРЦИИ

Статья посвящена анализу отношений России с Турцией — основным экономическим партнером на Ближнем Востоке. Авторы рассматривают «жизнеспособность» широко распространенных понятий «неоосманизм», «пантуранизм» и «пантюркизм». Автор проводит и аргументирует идею о необходимости интенсификации российско-турецких торгово-экономических связей, наличие которых позволяет успешно разрешать политические кризисы.

Ключевые слова: пантюркизм, пантуранизм, неоосманизм, геополитика, геоэкономика.

N. Shkira

Pan-Turkism, Pan-Turanism, «Neo-Osmanism» and Economic Interests of Russia and Turkey

The article is devoted to the relations with Turkey as the main economic partner of Russia in the Middle East. The “viability” of the wide spread ideas of “neo-osmanism”, “pan-turanism” and “pan-turkism” have been regarded. The article argues and develops

the notion of the necessity to strengthen Russian-Turkish trade and economic relations that help to overcome political crises.

Keywords: pan-turkism, pan-turanism, neo-osmanism, geopolitics, geoeconomics.

Как известно, тюркский мир не воспринимается за пределами Турции единым целым, хотя именно такое восприятие характерно для многих турок. Своих дальних и близких языковых родственников они нередко называют «татарскими турками», «азербайджанскими турками», «узбекскими турками» и т. д. В Турции нашли убежище также около семи миллионов выходцев с Кавказа (адыгейцы, чеченцы, черкесы, абхазы, лазы и др.), не представляющих собой единую среду: в ней есть умеренные и радикальные элементы, готовые внести реальную лепту в борьбу с Россией и, конкретно, — с русскими. Подавляющее большинство членов кавказской диаспоры — беженцы, оказавшиеся в Турции после Кавказских войн XIX в. и после 1917 г. Многие из них «утеряли» родной язык и имеют смутное представление о «кавказском доме», а вот «постсоветские» беженцы не только сильно ностальгируют по утраченной родине, но и готовы подчас примкнуть к течениям, радикально настроенным по отношению к России. Но важно то, что после известных терактов в США и Стамбуле отношение турецкого руководства к радикальным этническим и религиозным группам сильно изменилось [1, с. 720].

Одна из достаточно устойчивых «фобий», традиционно присущих российскому политическому истеблишменту, — преувеличение жизнеспособности «старого османского духа экспансии». В этой связи правомерны следующие вопросы: разве идеи территориальной экспансии на юге не исповедовала Екатерина Великая и другие российские самодержцы, и разве не сокрушаются и поныне отдельные российские политики по поводу «бездарной утраты контроля над Босфором»? По-видимому, с точки зрения психологического и исторического наследия, Турция и Россия обладают условным «паритетом». По словам президента Турции 90-х гг. С. Демиреля, представление о том, что Россия и Турция находились в вечном состоянии войны, ложно: «Когда начинаешь смотреть документы и требовать от историков конкретных цифр, выясняется, что из пятисот лет они насчитали пятьдесят лет российско-турецких военных конфликтов. Более оптимистично настроенные историки говорят всего лишь о двадцати пяти годах реальных войн. По сравнению с Европой, а в ней войны практически постоянны, это — мелочь, которая не должна омрачать наши отношения» [3, с. 27].

При осмыслении новой роли Турции в Азии и за ее пределами исследователи часто оперируют понятиями «пантуранизм» и «пантюркизм». Сторонники пантуранизма в прошлом, основываясь на так называемой урало-алтайской теории и считая языки уральской и алтайской семей родственными, предлагали объединить носителей этих языков в единое государство — Великий Туран, которое простиралось бы от Балкан до Сибири. Пантюркизм возник в свое время как течение части национальной интеллигенции (в составе Османской империи и царской России), проповедовавшей языковую, религиозную и культурную общность тюркоязычных народов. Разумеется, всегда разграничивались пантюркистское мировоззрение, или система взглядов как культурное явление, с одной стороны, и пантюркизм как агрессивная расистская доктрина, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое государство. В последнем случае все отличие между пантюркизмом и пантуранизмом состоит в количестве народов, которое предполагается объединить [1, с. 722].

Ясно, что пантуранизм из-за своей нереалистичности вряд ли может сегодня восприниматься всерьез. Что же касается пантюркизма, то ответ не так однозначен. К примеру, полное выдавливание нетюркоязычных народов (прежде всего, русских) из Центральной Азии не кажется чем-то невероятным, учитывая массовый отъезд русскоязычного населения из региона и существенную разницу между коренными и «пришлыми» народами в естественном воспроизводстве.

В целом же не следует переоценивать сегодня возможности не только политического, но и экономико-культурного пантюркизма. Бремя экономического содействия подъему «мусульманских» регионов бывшего Советского Союза может оказаться непосильным для турецкой экономики. Кроме того, пропаганда пантюркизма в тюркоязычных регионах СНГ может натолкнуться на ответный рост местного национализма, тем более что за советский период народы этих республик привыкли ощущать себя узбеками, киргизами, туркменами и т. д., а не «турками», как это представляется отдельным политикам в Анкаре.

С другой стороны, народы всех постсоветских тюркоязычных государств связывает с Россией общая история, многие элементы культуры. Не следует забывать, что значительный слой населения в этих странах разделяет с россиянами западные ценности, пришедшие в здешний мир ислама через русскую культуру и благодаря знанию русского языка. Своеобразным интегрирующим фактором является и наличие русского и русскоязычного населения, роль которого в экономической и культурной жизни государств региона достаточно весома. От этой группы населения, занятого на предприятиях со сложным производственным циклом, в научных учреждениях и т. д., в немалой мере зависят сроки выхода этих стран из экономического кризиса. Характер межнациональных отношений будет оказывать также влияние на формирование их имиджа в СНГ и в мире, что, в свою очередь, важно для скорейшего включения в процессы международного сотрудничества.

Наконец, важен и такой геополитический аспект: ни одно из тюркоязычных государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, не имеет выхода к открытому морю, что делает необходимым транзит большей части их нынешнего импорта и экспорта через территорию бывшей метрополии.

Итак, ясно, что Турция, поощренная распадом СССР и ослаблением давнего исторического соперника — России — на своих северных рубежах стремится играть более активную роль в новых государствах Закавказья и Центральной Азии. Главные надежды среднеазиатских государств бывшего СССР, как полагал бывший президент Турции Т. Озал, связаны с возможностью последовать примеру Турции в том, что касается государственного устройства. Естественно, политик понимал, что турецкая модель не может быть использована всеми государствами без изменений.

Экономически ослабевшая Россия пока с большим трудом пытается приостановить вторжение Турции в сферу своих геоэкономических и геополитических интересов. В этой ситуации перед нею во весь рост встала проблема выработки новой «восточной» политики, в основу которой могла бы лечь система новых договоров и соглашений со странами региона, регулирующая вопросы взаимной безопасности, межэтнических отношений, экономического сотрудничества.

Восстанавливая утраченные позиции в тюркоязычных государствах — бывших республиках СССР, — России надлежит максимально использовать «геополитические и геоэкономические недостатки» Турции. Как нетрудно догадаться, речь идет, прежде всего, о факторе географической удаленности Турции от этих стран. При этом важным является факт прерывания тюркоязычной «полосы» армянами (которые, к тому же, являются православными). По отношению к основному тюркоязычному массиву Турция, в сущности, яв-

ляется анклавом, и это обстоятельство Россия может использовать с максимальной выгодой для себя. Существуют реальные возможности и для восстановления единого экономического пространства на постсоветском «поле», в то время как создание такого пространства с участием «анклавной» Турции нереально.

По мнению бывшего на рубеже тысячелетий чрезвычайным и полномочным послом России в Турции А. Лебедева: «В течение всего 10–15 лет заклятые враги Россия и Турция стали партнерами. Но связной внешней политики у России так и не появилось — иначе мы бы участвовали во многих важнейших для региона проектах» [3, с. 30]. Речь идет, в частности, об идее строительства нефтепровода Баку — Джейхан, а также связующего порты Черного и Средиземного морей трубопровода Самсун — Джейхан. С геоэкономической точки зрения, оба проекта ничего хорошего России, в сущности, не сулили, но если не удалось предотвратить их строительство, то внедрение российского акционерного капитала в реализацию этих проектов представлялось делом вполне реальным. В этой связи «прозрение» «Транснефти», предложившей проект прокладки нефтепровода Кыйикей (Черное море) — Ибрикхаба (Средиземное море) в обход проливов Босфор и Дарданеллы заслуживало одобрения, но, в отличие от России, турецкая сторона хорошо просчитывает геоэкономические варианты. Ее двойственная позиция в данном вопросе связана, во-первых, с желанием единолично управлять проливами и иметь вполне определенную экономическую выгоду и, во-вторых, обезопасить акваторию проливов от экологических катастроф, реальность которых остается высокой. Даже при строительстве уникального газопровода «Голубой поток» главные «козни», отмечает вышеупомянутый российский посол в Турции, исходили не столько с американской и турецкой сторон, сколько с российской стороны — от противников проекта.

В условиях продолжавшегося «торга» Турции об условиях ее приема в ЕС турецкие государственные деятели ведут себя исключительно прагматично, «намекая» европейским партнерам, что если страна не будет принята в ЕС, она пойдет на тесное взаимодействие с Россией на всем евразийском пространстве. Это не пустые слова, что отчасти подтверждается следующей мыслью цитированного выше автора: «За десять-пятнадцать лет Россия и Турция прошли путь от жесткого соперничества в холодной войне, которое позже переросло в соперничество в тюркских республиках на постсоветском пространстве и в населенных тюрками регионах России. Однако патерналистские попытки Турции доминировать на этом пространстве, стать для многих республик новым «старшим братом» провалились. Они оказались слабы экономически и не уловили духа времени. Турки рассчитывали на американцев, а те, поначалу поддержав эти далеко идущие планы, позднее поняли, что если уж тратить деньги, то в своих, а не в турецких интересах. Объективно все это привело к улучшению отношений Турции с Москвой» [3, с. 28].

В последние годы в геополитическом лексиконе появился новый термин — «неоосманизм», ассоциирующийся с новым проамериканским направлением во внешней политике Турции, наиболее ярко проявившим себя с приходом к власти в США Барака Обамы. Это направление является отражением подхода США к вопросу о роли Турции в регионе. Если во времена Буша власти Турции «безоглядно» поддерживали агрессивную политику старшего союзника на Ближнем Востоке, то после вторжения войск США в Ирак и Афганистан «слепо» поддерживать прежние методы Белого дома турецкая сторона не решается.

В сложившейся ситуации российская сторона должна отдавать себе отчет в том, что США трансформируют лишь методы своей деятельности на Ближнем Востоке, но не меняют целей. Поскольку светская, проамериканская Турция не находит поддержки у арабских соседей, США пытаются сформировать образ «новой» Турции — «полусветской»,

«искреннего» друга арабских стран, с тем, чтобы через такую Турцию попытаться более эффективно реализовать свою политику по изоляции Ирана, по контролю движения «Хамас» и т. д.

В Турции имеются силы, выступающие за более тесное ее сближение с Россией, обращая при этом внимание на тот факт, что на протяжении всей истории планы Запада в отношении данного региона опирались, прежде всего, на русско-турецкие противоречия. Отмечается, что в то время как две страны сражались, победителями, так или иначе, выходили империалистические державы Запада, тогда как в периоды добрососедских и дружеских отношений между двумя странами им удавалось преуспеть в реализации своих национальных интересов.

«Наши страны очень схожи в своем социальном и культурном наследии, а также азиатских традициях, — констатирует авторитетный турецкий политолог Мехмет Перинчек. — Россия и Турция с этими своими особенностями сыграют передовую роль в освобождении человечества от гегемонии Запада и развитии возвышающейся в Азии новой цивилизации. Евразийская цивилизация XXI-го века будет народнической, общественно-ориентированной и просветительской. Нынешний век станет веком Турции-России-Ирана-Индии и Китая. Несомненно, такие латиноамериканские государства, как Бразилия и Венесуэла, а также некоторые государства Африки станут частью этой гуманистической трансконтинентальной цивилизации» [2].

Отдельные авторы находят много общего в историческом развитии России и Турции. Имеется в виду, во-первых, параллельная «европеизация» Российской и Османской империй (реформы Петра Великого и султана Ахмеда Третьего); во-вторых, обе страны имели имперское прошлое, которое до сих пор определенным образом сказывается на взаимоотношениях обеих стран с Западом; в-третьих, геополитическое соперничество России и Турции всегда воспринималось Западом как некий позитивный элемент, позволявший сдерживать экспансионизм обеих. К этому следует добавить, что на протяжении столетий обе страны многое заимствовали друг у друга (например, стрелецкое войско являлось своеобразной калькой с янычар, а революция Ататюрка в Турции совершалась с учетом издержек русской революции).

Образовавшийся после «самороспуска» СССР геополитический «вакуум» в Центральной Азии могла и действительно пыталась заполнить Турция. При этом создавалось впечатление, что центральноазиатские государства, осознавая собственную слабость, довольно охотно шли на контакт со сравнительно преуспевающей Турцией, выбирая именно ее в качестве нового «большого брата». Относительное экономическое процветание этой страны во многом объясняется той привилегированной ролью, которая отводится ей в геополитической стратегии Запада как проводника его интересов на Ближнем и Среднем Востоке и, в целом — в исламском мире. Одной из целей экономической дипломатии Турции явилось образование смешанных (турецко-западных) фирм в мусульманских странах. Наиболее дальновидные политики и бизнесмены центральноазиатских стран понимают, что сотрудничество с Турцией может способствовать привлечению крупных инвестиций с Запада.

Тем не менее главным направлением геоэкономических устремлений Турции на постсоветском пространстве остается российское, и это несмотря на то обстоятельство, что в течение многих десятилетий Турция была практически полностью исключена из сферы коммерческих интересов бывшего Советского Союза. Развитие двусторонних отношений было бы невозможным без демонополизации и децентрализации внешнеэкономической деятельности РФ, равно как и без эффективной программы «либерализации» экономиче-

ского развития и внешнеторговых связей Турции в рамках форсированного развития рыночной экономики.

Обе страны серьезное внимание уделяют сотрудничеству в рамках организации «Черноморское экономическое сотрудничество», предоставляющей широкие возможности для реализации совместных инвестиционных проектов. В этом отношении определенные надежды возлагаются на использование инвестиционных средств Черноморского банка торговли и развития, основными акционерами которого являются Россия и Турция. Важной сферой взаимного сотрудничества остается энергетический сектор, несмотря на известные «попятные» шаги турецкого правительства в этой сфере, в результате чего подписанное еще в конце 1997 г. межправительственное соглашение в топливно-энергетической области (обеспечивавшее ежегодную поставку из России в Турцию, начиная с 2008 г., 30 млрд. куб. м природного газа в год) осталось нереализованным. К этому можно добавить плодотворное экономическое сотрудничество между Россией и Турцией в строительной области, в основном за счет участия турецких компаний в сооружении различных объектов в РФ на сумму более 7 млрд. долларов.

Разумеется, ключевыми вопросами взаимного экономического сотрудничества являются возможности транзита российской нефти и газа через территорию Турции, а также наполнения трубопровода Баку — Джейхан. На повестке дня — сооружение с помощью России атомной электростанции «Аккую», проект которой оценивается в 30 млрд. долларов из расчета на 10–15 лет строительства. В ходе встречи В. Путина и Р. Эрдогана (премьер-министра Турции) в Анкаре в сентябре 2010 г. была достигнута договоренность о строительстве Южного Потока в исключительной экономической зоне Турции, что, в известном смысле, является уступкой турецкой стороны, поскольку последняя одновременно является стороной-подписантом проекта Набукко. В свою очередь, Россия поддержала строительство нефтепровода Самсун — Джейхан, который будет наполняться нашей нефтью, поставляемой танкерами до Самсуна и оттуда перекачиваемой по территории Турции до Джейхана, а Джейхан — выход на Средиземное море.

Своеобразным «камнем преткновения» в российско-турецких отношениях является несовместимость позиций по кипрской и курдской проблемам. Турецкие политики постоянно подчеркивают двойственность позиции нашей страны при истолковании кипрской и осетинской проблем, хотя, с нашей точки зрения, аналогия в этом случае отнюдь не очевидна. Традиционная поддержка Москвой курдского движения вызывает яростное неприятие турецких властей, считающих, что ущемление интересов Турции в этом вопросе существенно осложняет развитие двусторонних отношений. В Анкаре полагают, что в данном случае реализуется своеобразный проект атлантизма под эгидой США и Израиля, который угрожает Турции через Кипр и ставит своей целью сдачу позиций в Северном Ираке. Российские же власти, дескать, «бездумно» солидаризируются с Европарламентом, назвавшим турецкую армию «оккупантом» Кипра, в то время как США, используя механизм ЕС, преследуют одну стратегическую цель: превратить весь Кипр в свою военную базу (базы «Агротур» и «Дикелья» на Южном Кипре) — как Грузия на Кавказе или как Косово на Балканах.

Подобное видение кипрской и курдской проблем (в частности, игнорирующее «комплицментарные» отношения РФ с Грецией) вряд ли отличается беспристрастностью, однако устранение вышеупомянутого «камня преткновения» в российско-турецких отношениях — одна из приоритетных геополитических задач обеих сторон.

Специфическим фактором, способствующим активизации российско-турецких отношений в политической и экономической сферах, является принятие Палатой представите-

лей Конгресса США резолюции о признании геноцида армян. На этот случай Турция подготовила план ответных мер в политической, стратегической, экономической (пересмотр проектов сотрудничества с США в поставках авиационного оборудования, станков, продукции химической, пищевой промышленности, сельского хозяйства) и в военно-технической областях (пересмотр совместных военных проектов, ограничение использования воздушного пространства Турции со стороны ВВС США и турецких баз блоком НАТО), который, в частности, предусматривает более активное сотрудничество с Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 844 с.
2. *Перинчек М.* Турция как актор геополитики // «Евразийское Движение». М., 2010. URL: <http://evrazia.info/article/4412> (дата обращения 21.10.2010).
3. *Храбрый О.* Турецкая рука // Эксперт. М., 2004. № 47.

REFERENCES

1. *Gladkij Ju. N.* Rossiya v labirintah geograficheskoy sud'by. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Juridicheskij tsentr Press», 2006. 844 s.
2. *Perinчек M.* Turtsiya kak aktor geopolitiki // «Evrazijskoe Dvizhenie». M., 2010. URL: <http://evrazia.info/article/4412> (data obrashchenija 21.10.2010).
3. *Hrabryj O.* Tureckaja ruka // Ekspert. M., 2004. № 47.